

Д. В. Деопик

Эволюция аграрных отношений по данным количественного анализа бирманской эпиграфики

Общая характеристика эпиграфического комплекса средневековой Бирмы XI—XV вв. и способов его количественного анализа были даны в нашей статье 1977 г.¹. Настоящая статья посвящена анализу прежде всего содержательных аспектов текстов документов, тогда как в ранней статье исследовались только методика описания, пространственно-временное распределение надписей, проблема оригиналов и копий и сохранности. Аналогичные работы были проведены до 1977 г. по кхмерской², а в последнее время – по яванской средневековой эпиграфике³.

Вначале будет кратко воспроизведена характеристика массива надписей и формы его публикаций, изложена часть уже опубликованных выводов, затем будет дан содержательный анализ состава субъектов экономических отношений – дарителей земель и имущества духовенству. Эта часть информации содержится в единственной сводной публикации – «Списке» Ч. Дюрузеля⁴ без сокращений, вторым подверглись другие элементы текста.

Напомним, что надписи Бирмы XI—XV вв., относящиеся ко времени появления и расцвета здесь «деловой» эпиграфики, – это дарственные, получавшиеся в основном буддийским духовенством. Как и в других средневековых обществах

¹ Деопик Д. В. Проблемы методики исследования эпиграфического комплекса применительно к задачам социально-экономического анализа (на материале бирманской эпиграфики). – Вести. Московск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение, 1977, №

² Деопик Д. В. Эпиграфика и карта. – В кн.: Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975, с. 3 – 16.

³ Кулланда С. В. Некоторые особенности санскритской эпиграфики Явы: (Опыт количественного анализа). – В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура: Сб. статей и сообщений советских ученых к IV Всемирной конференции по санскриту. Веймар, ГДР, 23 – 30 мая 1979 г. М., 1979, т. 2, с. 23 – 30; Деопик Д. В., Кулланда С. В. Простейшие признаки яванского эпиграфического массива VII—начала X в. как источник по истории раннесредневековой Явы. – В кн.: Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.

⁴ A list of Inscriptions found in Burma. Compiled and edited by Ch. Duroi-selle. Rangoon, 1921, p. 1.

Юго-Восточной Азии и в других регионах Старого Света, они касаются дарения земель, реже – сооружений. Делались они преимущественно на камнях; часть их стоит на месте установки, часть собрана в нескольких хранилищах. Полной сводной публикации текстов и переводов, как для средневековой Кампучии, нет; нет и сводных публикаций текстов и переводов основной части надписей, как это сделано применительно к малайским, тьямским и яванским надписям до XV в. Публиковались лишь небольшие подборки текстов или отдельные надписи с переводами на современный бирманский, реже – английский язык⁵. В начале 20-х годов XX в. Ч. Дюрузель собрал самый большой массив средневековых бирманских надписей и перевел их, но опубликовал лишь краткие изложения, как это было принято тогда эпитафистами, работавшими в Индии. При этом, кроме автора надписи и формальных сведений (время, место, язык надписи, ее сохранность и т.п.), все остальные сведения давались в обобщенном виде. Сделанные единообразно и крупнейшим специалистом в этой области, они многое дали зарубежным и советским исследователям, но в отличие от массивов других стран ЮВА – только в самом общем виде. Сравнение с многочисленными публикациями полных текстов и переводов показало, что сокращения Ч. Дюрузеля были незначительны, ибо деловая часть бирманских надписей в отличие, например, от кхмерских – кратка. Для данной работы характер сокращений несуществен, так как исследовалась несокращенная часть, а остальное привлекалось лишь для того, чтобы определить, имело место дарение или другая операция.

⁵ Archaeological Survey of Burma: Annual Reports. Rangoon, 1902 – 1926, 1938 – 1940; Archaeological Survey of India: Annual Reports (Далее: ARASI), Burma circle, 1890 – 1938; Blagden C. O. The «Pyu» Inscriptions. – Epigraphia Indica, 1913, vol. 12, p. 111; Journal of the Burma Research Society (Далее: JBRS), 1917, vol. 7; Duroiselle Ch., Blagden C. O. Epigraphia Birmanica. Rangoon, 1919 – 1936, vol. 3; Duroiselle Ch. Tounguni Pagoda Inscriptions (1191 A. D.).– JBRS, 1916, vol. 6; Luce G. H., Pe Maung Tin. A Mon Inscription by Kyanzittha at Ayethama Hill.– Ibid , 1938, vol. 28; Taw Sein Ko. Preliminary Study of the Kalyani Inscriptions of Dhammacheiti (1476). – In: Indian Antiquary. Delhi, 1893, vol. 22; Idem. The Plaques Found at the Petleik Pagoda, Pagan. – ARASI, 1905. p. 127; Шей хаун чауса паун чжоу (Собрание древних надписей на камне). Рангун, 1974, т. 1; Шей хаун мун чауса паун чжоу (Собрание древних монских надписей на камне). Рангун, 1965; Шей хаун мьянма чауса мья, тэкри, 474 – 600 (Древние бирманские надписи на камне, 474 – 600 бирманской эры). Рангун, 1972.

Помимо состава субъектов, были исследованы язык надписей и детали их географического и временного распределения.

Кратко остановимся на основных понятиях, используемых в статьях.

Связный текст, написанный единовременно одним юридическим лицом на том или ином материале, составляющий единый документ, рассматривался как «простая надпись». Ряд следующих в хронологической последовательности «простых надписей», адресованных одному юридическому лицу или его преемникам (например, серия дарений разных лиц одному и тому же монастырю), последовательно помещаемых на одном и том же камне, пластинке и т. п. принимался за «сложную надпись».

«Простая надпись», если она полностью сохранилась, обычно фиксирует несколько отношений (обычно – экономические операции, постройка культового сооружения и дарение в его пользу земель). Исследовались лишь «экономические» надписи, содержащие информацию такого рода. В них обязательно реализовывалась схема: субъект (даритель) – отношение (дарение или строительство) – объект (получатель) и предмет операции (здание, земля). Это – схема простейшей операции (СПО), из которых складывается экономическая часть «простой надписи». Основным при исследовании будут субъекты надписей. Основными способами анализа надписей были следующие:

1. Количественная оценка массовости различных значений признаков надписей и их субъектов, т. е. выделение нетипичных для данного массива (единичных и редких) и типичных явлений.

2. За количественным сопоставлением основных характеристик и элементов надписей следовала количественная оценка значимости различий между временными и пространственными группами, а также социальными группами (по субъектам операций).

Массив – 712 оригинальных «простых надписей» (не копий) «Списка» (как отдельных, так и в составе «сложных надписей») – оказался достаточным для выявления ряда общих тенденций развития средневекового общества бирманцев в XI – XV вв.

Важно отметить устойчивость типа документа в течение всего исследуемого периода и стабильность набора видов субъектов (дарителей).

Имеющиеся эпиграфические данные позволяют утверждать, что на протяжении первой половины II тыс. н. э. в аграрных отношениях бирманцев менялось (как более тонкое, более восприимчивое к новому в социально-экономической структуре) количество различных социально-экономических терминов, шло увеличение доли одних по сравнению с другими. В то же время сам набор терминов был практически стабильным и может (кроме отдельных случаев) рассматриваться как постоянный. Предложенный выше вывод строится как на анализе адекватно переданных частей текстов надписей в «Списке», так и на анализе многочисленных от дельно опубликованных надписей разного времени с их обширными комментариями.

При записи все надписи были разделены на СПО (ранее названные микродействия-операции); разделение производилось таким образом, чтобы в каждой СПО был один субъект, одно отношение и т. д. Коллективное дарение тремя субъектами одному объекту одного участка земли распадается при этом на три СПО, такое же дарение одним субъектом двух участков одному объекту – на два и т. д. Параллельно порой исследовалось и число «простых надписей», где встречен (несущественно, во скольких СПО) данный вид субъектов. СПО были записаны на макете 80-колоной перфокарты с целью дальнейшей обработки на ЭВМ (независимо от того, «сложная» надпись или «простая»).

Вся запись заняла 30 колонок перфокарты, порядок записи был следующим:

Колонки

- 1 – 4 – порядковый № нашего списка;
- 5 – порядковый № микродействия-операции внутри надписи («простой» или «сложной» – безразлично);
- 6 – 9 – дата надписи или данного микродействия;
- 9 – 11 – место (город) хранения;
- 12 – язык надписи;
- 13 – сохранность;
- 14 – 15 – число субъектов;
- 16 – 17 – субъект-монарх;
- 18 – 19 – субъект-немонарх;
- 20 – оригинал или копия;

- 21 – 22 – второй субъект в единовременных коллективных дарениях;
- 23 – 24 – место обнаружения надписи;
- 25 – 26 – отношение;
- 27 – 28 – объект;
- 29 – 30 – предмет.

Для восприятия дальнейшего изложения необходимо ввести общую периодизацию исследуемого времени.

Табл. 1, прил. 2 содержит схему периодов всего исследуемого времени (1044 – 1502 гг.); основой для группирования были или фундаментальные факты политической истории, отражающие изменения социально-экономического характера, или некоторые общепринятые рубежи в истории Бирмы. Исходя из этого периодизация истории Бирмы XI – XVI вв. представляется в следующем виде (даты см. в табл. 1, прил. 2); 1) формирование и расцвет империи Паган в центре долины Иравади как двуединой, монско-бирманской; 2) кризис двуединой империи, период ее бирманизации; 3) упадок империи Паган; 4) эпоха междоусобных войн и превращение Пагана в одно из княжеств; 5) эпоха формирования нового центра на Верхнем Иравади, время борьбы правителей Пиньи и Сагайнга – княжеств на северо-востоке; 6) ранний период правления монархов Авы (также на северо-востоке); 7) период расцвета государства Ава; 8) период упадка государства Ава.

Наиболее существенными выводами, полученными в первой статье, были: во-первых, подтверждение и уточнение общей эволюции духовного землевладения в Бирме XI—XV вв. от его подъема до упадка; во-вторых, выделение основных политико-экономических центров и основных районов распространения землевладения духовных феодалов в разные периоды. Удалось показать, что политическое ослабление центра Бирманской империи в XI – XIII вв. – района г. Пагана – и переход гегемонии в XIV—XV вв. к государствам северо-востока Бирмы (Пинья, Сагайнг, затем – Ава)⁶ были подготовлены исчерпанием (с точки зрения воз-

⁶ Краткие сведения об этих государствах есть в кн.: Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы. М., 1973, с. 33 –84; Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1960, с. 110 – 128; Деопик Д. В. Регион Юго-Восточной Азии с древнейших времен до XV в. – В кн.: Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977, с. 35 – 69.

возможности дарений) земельных ресурсов района Пагана и что описанная в хрониках борьба различных течений в буддизме в XIII в. отражала эволюцию отношений светской власти и духовенства в Пагане (поскольку число дарений падало). Были уточнены в соответствии с эволюцией земельных отношений рамки периодов социальной стабильности и нестабильности, ранее фиксировавшиеся лишь по поздним хроникам.

Упадок «экономической» эпиграфики на камне подтвердил и уточнил также время и темпы распространения здесь буддизма тхеравады с его особым отношением к крупному духовному землевладению и, видимо, время оформления средневековой бирманской культуры как отличной от более древней для этой части Индокитая монской и равной ей по уровню. И, наконец, были получены надежные даты для установления времени забвения Пагана в средневековой бирманской культурной и политической традиции, после которого оценка этой эпохи основывалась на созданной хронистами картине, а не на реальностях паганского времени.

Была выявлена устойчивость типа документов, а также то, что в Бирме представлены все этапы развития каменной «экономической» эпиграфики, зная которые, можно отделить прекращение упоминаний о каком-либо явлении, связанное с постепенным исчезновением каменной эпиграфики вообще, от исчезновения самих явлений (если упоминания о них исчезли до прекращения создания надписей на камне). Интересны выявленные закономерности искажений, внесенных копиистами феодальной Бирмы в реальную картину, восстанавливаемую по оригинальным надписям того времени. Примечательны и отклонения от «естественных» норм сохранности, без учета которых также трудно пользоваться данными эпиграфики для описания исторических событий.

Прежде чем переходить к анализу состава субъектов, остановимся на двух формальных характеристиках «экономических» надписей – их языке и пространственно-временных характеристиках. Значительные результаты дал учет языка (или сочетания языков), на котором написан текст; это важно и для датировки при плохой сохранности, и для определения характера текста.

Из табл. 2. прил. 2 видно, что число надписей на бирманском образует неярко выраженное большинство в первом периоде, затем они все время резко преобладают, но без тенденции к росту. Монские надписи после значительного количества в

периоде постепенно падают в числе и исчезают; надписи на пью вообще встречены редко и только в периоде 1. Примечательно, что тем не менее надписи 1 с экономической информацией есть даже на пью. Экономическая информация только на пали – явление, бесспорно, случайное (1 раз в периоде 3). Что касается смешанных пали-бирманских надписей, то их число практически всегда одинаково. Сопоставление с набором субъектов показывает, что надписи на бирманском и пали вместе в паганские времена (периоды 1 – 3) составляли все категории субъектов, в периоде 4 – «простые лица» и, реже, монархи; во времена Авы (периоды 6 – 8) их составляли только монархи. Налицо изменение социального смысла двуязычия в эпиграфике, т. е. определенная тенденция, не видная при анализе только признака «язык».

Нужно отметить заметное по таблице падение языкового разнообразия надписей, высокого в Пагане и низкого в Две; здесь дело может быть и в переходе от империи к моноэтническому государству, и в стабилизации типа документа; первое гораздо более вероятно.

Анализ распределения надписей (табл. 3, прил. 2) указывает на существование двух основных центров, имеющих точную адресацию: район Пагана и область Чаусхэ на северо-востоке; там сосредоточен основной массив надписей (73,3 %). Сами эти районы расположены достаточно далеко друг от друга и были большую часть рассматриваемой эпохи политическими противниками. Это и определило противопоставление их при рассмотрении – противопоставление, которое оказалось реально существующим, как показал анализ, в целом ряде важных социально-экономических областей жизни.

Эти два основных района даже в своих узких пределах исчерпывают подавляющее большинство материала. В этой чрезвычайной концентрации духовного (а тем самым, видимо, и государственного) землевладения – одна из особенностей государств Юго-Восточной Азии с их гипертрофированной ролью экономического и политического ядра в противовес разделенной периферии; в основе этого противопоставления лежит наличие только в этих ядрах густых ирригационных систем. В данной части работы распространение надписей анализируется с учетом их содержания (имущественные документы), но без его анализа.

Видна общая тенденция – падение объема и доли дарений в Пагане и рост их в Чаусхэ. При этом общее число дарений в Пагане гораздо больше; таким образом, тип его преобладания над периферией – иной. Оно реализовалось в период расцвета самого явления «дарение имущества (движимого и недвижимого) духовенству», а к Чаусхэ преобладание перешло уже в период упадка явления.

Рассмотрев более дробные отрезки-периоды, увидим:

1) в периоды 1—3 доля Пагана растет, доля Чаусхэ па дает. Это значит, что в центральных районах (Паган) земельный фонд государства (т. е. земли самого монарха и свободных крестьян-налогоплательщиков и близких к ним групп) сокращается интенсивно, а в Чаусхэ почти не сокращается;

2) в период 4 (переходный) в Пагане еще дарят много, но уже меньше, чем ранее, а в Чаусхэ начинают увеличивать число дарений;

3) в периоде 5 оформление центра государства в Чаусхэ определило начало полосы частых (с учетом общей тенденции к сокращению объема дарений) дарений, весьма значительных по процентной доле в общем объеме дарений;

4) в периоды 6 – 8 (времена империи Ава, последняя часть исследуемой эпохи) у Чаусхэ сильное преобладание в процентной доле. Оно сохраняется до конца без изменений, отражая возникновение и закрепление новой ситуации. Если учесть, что духовенство имело много земель за счет дарений предшествующих веков именно в районе Пагана, то преимущественные дарения в Чаусхэ должны были уравнивать положение. Это уравнивание шло на фоне общего сокращения объема дарений и частичного изъятия и забрасывания старых владений.

Период 4 был ключевым с точки зрения процесса перемещения центра государственности и центра дарений духовенству на северо-восток. Это было время постоянной вооруженной борьбы центра (Пагана) и Чаусхэ, время обостренного соперничества, которое во многом можно проследить и по особенностям эпиграфической информации применительно к двум формально выделенным выше районам – Паган и Чаусхэ.

Анализ более частных таблиц пространственного распределения дал ряд важных закономерностей. Как видно из табл. 4, прил. 2 вначале усиливается роль земельных раздач в непосредственной близости от столицы в узком собственно паганском районе в ущерб даже ближайшим к нему. Исторически и экономически это

легко интерпретируемо и отличает (по географическим закономерностям) периоды империи Паган как от истории переходных периодов 4 и 5с их многоцентровостью, так и от истории периодов сравнительно централизованной, но иной по типу отношения к духовному землевладению Авы. Рассматривая табл. 4, прил. 2, мы видим, что в периоды 6, 7, 8 (времена Авы) собственно Чаусхэ не стягивало к себе объем дарений в такой степени, как это делал Паганский район; его доля стояла приблизительно на одном уровне со слабой тенденцией к увеличению (при общем низком объеме дарений). Это естественно, поскольку в период подъема дарений духовенству данный процесс ярче всего был выражен в основном районе государства, а в период упадка это перестало быть знаком престижа и в центре и на окраинах.

Субъекты-дарители характеризовались, во-первых, их числом (1, 2, 3, 4), во-вторых, социальной принадлежностью, в-третьих (когда дарителей более одного и когда между ними есть семейные связи) их семейными связями.

Числовые обозначения для числа дарителей представлены в приложении 1, там же даны числовые обозначения для типов родственных связей для основных дарителей – родственников монарха и родственников немонарха, а также для типов родственных связей для вторых дарителей в коллективных единовременных дарениях.

В приложении 1 нами даны числовые обозначения для дарителей, сгруппированных по социальной принадлежности; они делятся на две совокупности: 1) дарители-монархи XI –XV вв., имя каждого из которых имеет свое обозначение (если в колонке 18 –19 за ним указан вид родственника монарха, то имеется в виду, например, «жена Клячвы II»); 2) дарители – немонархи и неродственники монархов. Каждый сколько-нибудь отличный вид субъекта имеет свое числовое обозначение; они группируются в 7 основных групп-видов (далее – г, в.) субъектов (г. в. 1 – 7 см. в прил. 1,2).

В первую очередь будут рассмотрены данные о социальном составе дарителей – субъектов экономических операций, об их географическом и временном распределении, затем об их числе в различных надписях, о связях, существовавших между различными по социальной принадлежности субъектами, и, наконец, о связи различных групп субъектов с дарением земли конкретно. Виды субъектов (табл. 5, прил. 2). Применительно к массовым (от 2,9 %) видам набор их постоянен для всей эпохи (1044 – 1502 гг.), как и набор основных групп видов субъектов (их 7). В то же

время процентные доли большинства (7 из 8) массовых видов и 4 из 7 групп видов субъектов эволюционируют во времени. Даже у видов с процентной долей от 1 до 2,9%, рассматриваемых как «средние» по массовости, 6 из 11 – представлены на протяжении всего периода (в том числе один вид дает гипотетическую эволюцию, остальные – гипотетический полный цикл: «расцвет – подъем – упадок»). Остальные пять типичны либо для ранней половины или р. п. (вместе с серединой или без нее), либо для поздней половины или п. п. (тоже с серединой или без нее). База вывода везде—наличие десятков субъектов в каждом периоде.

Как «редкие» рассматриваются виды с процентной долей от 0,9% и менее (их 28). В том числе присущих только одной из половин эпохи (как показано выше для «средних») – 20, присущих только середине – 3, дающих гипотетический полный цикл – 1, присущих всему периоду (и все – без эволюции) – 4. Видно, что в зависимости от численности различны и временные тенденции, «редкие» обычно встречаются только или в р. п. или в п. п.

Интересные данные дал анализ семи групп видов по доле в них «массовых», «средних» и «редких» видов (см. табл. 6, прил. 2). Видим, что средняя процентная доля (т. е. % упоминаний данной группы, деленный на число видов в ней) для группы субъектов, как и процентная доля каждого из трех «видов по массовости» внутри группы: 1) не зависит от числа упоминаний, а зависит от внутренних особенностей группы; 2) четко выделяет некоторые группы. Так, наибольшую часть «массовых» видов дали «монархи» и «духовенство», но доля «средних» и «редких» у них различна, что сказалось на величине средней процентной доли на 1 вид. По этому критерию близки «монархи» и «простые люди». Предложим некоторые интерпретации.

Группа «родственники монарха» в основном состоит из «редких», а ее «массовые» – сравнительно невелики; в итоге средняя на 1 вид – 0,9 %, самая низкая. В целом эта группа состоит из многочисленных редких разновидностей субъектов, из которых лишь один является регулярной категорией дарителей – «жена монарха» (код 22).

Группы «монарх» и «духовенство» – максимально простые (по 2 вида в группе), но анализ соотношения «видов по массовости» и средней процентной доли на 1 вид и среднего числа упоминаний на 1 вид показывает, что «монарх» состоит из

двух сравнительно массовых групп, а «духовенство» – нет; оно практически представлено одной группой. Причина компактности той и другой групп – единственность социального состояния, отсутствие близко родственных социальных групп у монарха и неразвитость близких к монашескому социальных слоев в тогдашней Бирме.

Группы 3, 4, 5 имеют близкий показатель процентной доли на 1 вид, но это не сходство исходных показателей, а результат компенсации малого числа «массовых» большим числом «средних» в группах 3 и 4 по сравнению с группой 5.

Группа 6 («простые люди») имеет собственные характеристики; она близка к «монарху» по величине процентной доли на 1 вид, но достигает этого не за счет высокого процента «массовых» групп, а за счет «средних» и сравнительно крупных «редких», что ее и должно было отличать, так как ее образуют социально массовые виды субъектов.

Даже на уровне групп видов, как сказано выше, видны знаменательные временные тенденции, причем как в рамках всей эпохи, так и применительно к отдельным периодам. Напомним, что период – величина естественная и его характеристики через данные признаки описывают важные экономические и социальные особенности этого естественно выделенного временного отрезка.

Вернемся к табл. 5, прил. 2 и рассмотрим сначала тенденции, общие для всей эпохи.

Доля «монархов» среди дарителей очень высока в начале и в середине времени Паганской империи (периоды 1 и 2), но в целом она падает на всем протяжении истории этого государства; поздняя пора империи (период 3) дает наименьшую долю монархов (это падение роли монархов как дарителей было отмечено И. В. Можейко⁷). В дальнейшем доля «монархов» держится на одном, весьма низком уровне – 8 – 14%, так и не достигнув 24 – 52 %, которые она имела в периоды 1 – 2. Налицо резкое падение роли монархов в формировании духовного землевладения, соответствующее падению роли деспота в феодальных государствах Юго-Восточной Азии после XIII – XIV вв., особенно в моноэтнических государствах, сменивших империи-деспотии. Причем падение (по числу дарений) столь значительно, что никакое увеличение отдельных дарений до самых гигантских

⁷ Деопик Д. В. Эпиграфика и карта, с. 12, схема 2.

размеров (а мы знаем, что поздние дарения были далеко не огромными) не компенсировало бы это падение.

Кто же занял место монархов в качестве источника формирования монастырского и пагодного землевладения, в качестве дарителя движимого и недвижимого имущества? Подчеркнем, что «замена» монарха в конце Паганской империи и после шла на фоне падения общего объема дарений в адрес духовенства, и речь здесь идет о занятии какой-то социальной группой места монархов не по объему дарений (его никто не достиг), а по важности («по порядку») среди тех дарителей, которые имелись в наличии в XIV – XV вв.

Это не были родственники монарха, чья доля в дарениях всегда была приблизительно на одном уровне (10 – 20 %), и объем соответственно падал вместе с общим объемом дарений. Не было это и духовенство; его не совсем ясные по характеру земельные дарения также постоянно находятся на уровне 2 – 12%. Не дали компенсирующей эволюции и «средние чиновники и феодалы», чьи дарения держатся на уровне 4—11 %. Нет таковой тенденции и у суммы процентных долей трех указанных групп в каждом периоде. Она, и это подтверждает гипотезу об отсутствии тенденции в отношении этих трех групп к дарениям духовенству по данному критерию: 1) также не дает никакой эволюции; 2) более устойчива, чем составляющие ее данные по от дельным группам видов: если в последних порой есть различия между минимальной и максимальной процентной долей в 3, 5, однажды в 10 (!) раз, то здесь лишь в 2 раза (и то однажды).

Дарения указанных трех групп не могли компенсировать постоянный упадок дарений монархов; но для первых трех периодов эту функцию выполняли растущие в числе дарения «простых людей»; вместе с ними все более редкие дарения монархов составляли в Паганской империи абсолютное или относительное большинство (62,4; 63,9; 43,6%). Но после периода 4-процентная доля дарений «простых людей» также идет весьма последовательно на убыль. Вместе пережили период подъема и упадка тесно связанные с ними «родственники» (группа 7), поскольку в ней в основном находятся родственники «простых людей».

Важно подчеркнуть, что монарх-деспот, и, так называемые «простые люди» (а точнее, зажиточные слои деревни, мелкий служилый люд и мелкие феодалы) были теми социальными силами, на которые опиралась империя Паган и которые по

очереди «кормили» духовенство империи. Истощение экономических ресурсов обеих групп видно на нашем примере дарений духовенству, так как падает и общее количество дарений и, еще быстрее, доля указанных групп в общем объеме дарений. Размывание среднего слоя – основного поставщика налогов и живой силы для армии – и связанное с этим ослабление императорской власти монарха- деспота – процессы параллельные, они шли в эти века и в Камбуджадеше, и в Дайвьете; достаточно хорошо они известны и вне Юго-Восточной Азии.

На смену указанным двум группам (монарх и «простые люди») пришли в XIV—XV вв. крупные феодалы, усилившиеся в период распада и падения империи Паган и все более забиравшие в свои руки власть в период существования бирманского государства Ава. Укреплялись как их политические позиции, так и экономическая мощь. Их доля в дарениях постоянно растет (от 0 до 29%); в периоды 7 и 8 они стоят на первом месте. При этом их усиление в позднейший период происходит за счет всего одного вида – «мин», (крупных феодалов с титулом, близким к королевскому). Они не были монархами, но имели, судя по данным источников, большую самостоятельность. Эта поздно возникшая социальная группа (встречающаяся среди дарителей с периода 4), в период 8 стала крупнее не только любого вида, но и любой группы видов (!). И если общее падение числа дарений духовным феодалам отражает кризис и постепенное исчезновение крупного духовного землевладения в Бирманском государстве в XIV – XV вв., то рост дарений «мин» отражает усиление крупных светских феодалов, о чем свидетельствуют данные хроник о междоусобных войнах феодалов и о прогрессирующем ослаблении королевской власти.

Интересно соотношение дарений высших государственных сановников —«министров» (код – 21) и самозванных правителей «мин» (код – 53). И те и другие – крупные феодалы, но «министры» – высшие служилые феодалы, возникновение которых связано с империей, а «мин» – ее «могильщики», впервые появившиеся в надписях после краха империи, в периоде 4, когда Паган стал уже одним из многих княжеств, возникших на развалинах империи. Обращение к политической истории показывает, что в годы крушения империи Паган люди с титулом «министр» («мантри», «амат») становились крупными самостоятельными правителями (три «шанских брата», например), т. е. тем, что некоторое время спустя обозначалось термином «мин». Но указанный период «оседания министров на землю» был краткой

эпохой смены смысла термина (титула); в целом же «мин» вытесняет «министра» из документов и это представляется неслучайным. Высшие сановники вообще все реже встречаются в связи с дарениями, как и их патроны–монархи. А число упоминаний об их общем противнике – самостоятельных крупных феодалах «мин» – неуклонно растет. Именно «мин» подорвали мощь системы государственной собственности на землю, а также, видимо, и духовное землевладение буддийских монастырей в XV в., судя по тому, что последние в этом веке зависели от «мин» в четверти своих получений. «Мин» были основными дарителями земли буддийскому духовенству в XV в., и то, что эти дарения на протяжении XVI – XVII вв., все время уменьшаясь в числе, постепенно исчезли, не могло произойти без изменения отношений «мин» к буддийским монастырям и их землевладению, поскольку группа эта сохранилась. Люди с титулом «мин» играли важную роль и впоследствии.

Остановимся на географическом и временном распределении субъектов дарений; состав их в двух сопоставляемых районах показательно различен.

В Пагане – старом центре империи – много дарений, помимо монарха, делали:

1) родственники монарха, образовавшие за 300 лет существования деспотической империи прослойку крупных неслужилых феодалов (они могли и служить, но это добавляло им власти и имущества, не лишая исходного качества) при монархе; это социально близкая к монарху группа лиц;

2) «простые люди», чьи дарения типичны для последнего периода Паганской империи; это средние слои, заинтересованные в укреплении центральной власти.

В Чаусхэ дарили в основном крупные феодалы (47,0 %), а родственники монарха и «простые люди» — в несколько раз меньше, чем в Пагане.

В связи с исследованием этого важного признака – географии надписей и исторической информации в них – отметим, что уже сейчас можно сделать по крайней мере два принципиальных вывода, а именно: 1) все сопоставляемые явления (в данном случае – г. в. субъектов) есть и в Пагане и в Чаусхэ; таким образом, это социально близкие центры. сравнение которых правомерно; 2) будучи сделано, сравнение показывает устойчивое различие этих центров по доле различных г. в. субъектов и по видовому составу г. в., причем, первый из центров, более ранний, Паган имеет более архаичный видовой состав субъектов, характерный для империй ЮВА, а более поздний – Чаусхэ – имеет много видов, связанных с более развитыми

феодалными отношениями XVII – XVIII вв. Отсюда следует чрезвычайно важный вывод о том, что в социально-экономическом отношении время господства долины Чаусхэ было уже с бурных периодов 4 и 5 следующим шагом вперед в социально-экономическом развитии феодального бирманского общества, а не регрессом, наступившим вследствие разрушения высокой паганской цивилизации полудикими горами-шанами, вторгшимися в Чаусхэ (версия ранних исследователей). Видно, что с самого начала своей самостоятельной истории долина Чаусхэ выступает как преемник и продолжатель социальных традиций империи на новом, более высоком уровне; период политических потрясений конца XIII – первой половины и середины XIV в. был в социально-экономической сфере временем формирования и победы нового вида феодальных отношений, укрепившегося впоследствии в империи Ава. Что же касается влияния архаичных шанских институтов, то оно не

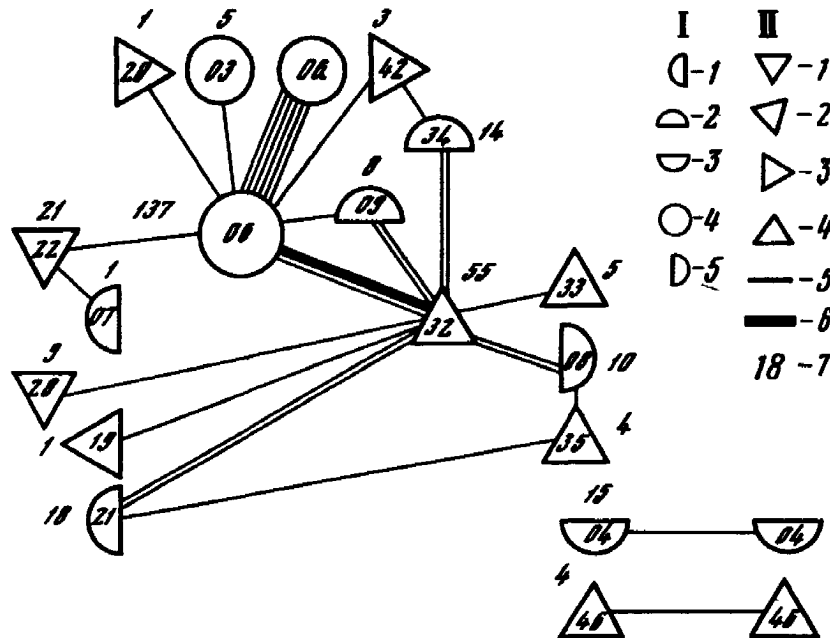

Рис 1 Граф парных связей видов субъектов во времена Пагана (по всем Данным «Списка»)

- I. Социальные группы 1 — крупные феодалы, г. в. 3; 2 — мелкие и средние феодалы, г. в. 4; 3 — монахи, г. в. 5; 4 — «простые люди», г. в. 6; 5 — социально неопределенные группы, г. в. 7.

II. Родственники 1 – монарха, г. в. 2; 2 – крупных феодалов из г. в. 3; 3 – «простых людей» из г. в. 6; 4 – представителей г. в. 3; 4, 6 без различения п.е.г.в. 7; 3 – случай совместного дарения, 6 – 10 случаев совместного дарения, 7 – число упоминаний вообще в числе субъектов.

ощущается, как не ощущается (при более близком знакомстве с материалом) влияние шанов и в политической жизни этих десятилетий; само шанское происхождение знаменитых «шанских братьев», фактически правивших Паганом в конце XIII в., вряд ли может быть доказано документально и скорее всего принадлежит к многочисленным выдумкам хронистов позднего средневековья. Число субъектов по периодам см. в табл. 7, прил. 2. Преобладали одиночные дарения как в целом, так и в каждом периоде, но всегда существенна доля и групповых дарений (не менее 5,3 %). Видимо, идея буддийской «заслуги» была в эти века преимущественно личной. На

время Пагана пришлось резкое падение одиночных дарений от самой высокой в исследуемое время доли до самой низкой; рост групповых дарений в конце империи

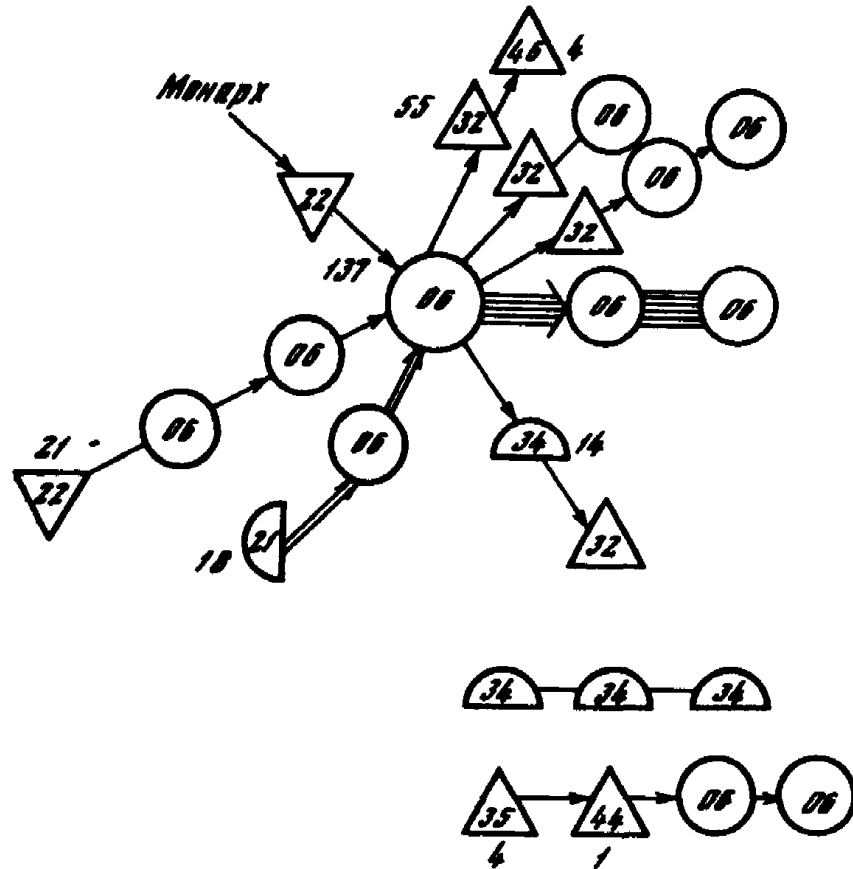

Рис. 2. Граф тройных и более связей видов субъектов во времена Пагана (по всем данным «Списка»)

Паган совпадает с ростом числа дарений «простых людей». Послепаганские периоды имеют среднюю, почти равную паганским, но тенденций в эти века нет; некоторое возрастание в периоде 8 может быть следствием случайности при общем малом n . Преобладание «личных» дарений, возможно, связано с единобожием; во всяком случае, это отличительная черта, так как во многих религиях доля коллективных дарений выше, особенно среди городского населения. В Камбодже этих веков широко представлены групповые дарения. Рассмотрим состав групп субъектов, оставивших совместные дарения в наиболее интересное для нас время Пагана (1044 – 1287 гг.).

Группы записаны при помощи простого графа, На рис. 1 представлен граф парных связей субъектов в совместном дарении, на рис. 2 – граф тройных и более связей субъектов. Они четко показывают социальные связи среди дарителей, хотя сама ситуация, в которой верующие сравнительно равны, в определенной степени сгладила различия. Из 32 видов субъектов, известных для паганского времени, лишь 20 участвуют в групповых дарениях. Целые г. в. субъектов полностью или практически полностью не участвуют в групповых дарениях; это г. в. 1,2,3,5. Дарители из этих групп не объединяются ни с низшими, ни между собой. Анализ объединений дарителей показывает также еще раз, что чиновники (вид 09) и мелкие феодалы-чиновники (туджи) (вид 34) справедливо отнесены нами к мелким и средним феодалам, поскольку в совместных дарения они связаны в основном с «простыми людьми» (вид 06). Даже без расчета доли каждой категории в общем числе упоминаний видно, что это так. Также очевидно, что при большой численности вида 06, с одной стороны, и видов из г. в. 1 и 2 – с другой, мы не видим частой встречаемости их представителей; отсюда ясно, что объединение видов субъектов в группы по смыслу терминов и общим представлениям о роли их носителей в обществе, основанных на поздних хрониках и поздних документах, в основном правомерно. Мы видим значительный социальный разрыв в обществе; в частности, монарх лишь однажды участвовал в групповом дарении, его родственники – очень редко, а монахи объединялись только с монахами. Сами члены г. в. 1, 2 и 3 не объединяются и друг с другом, а только со своими родственниками, деля «за слугу» только с ними. Зато «простые люди» объединяются и с родственниками, и друг с другом, и с мелкими и средними феодалами из г. в. 4.

Длинные цепочки тройных и более связей чаще дают связь между высшими г. в. 1, 2 и 3, с одной стороны, и «простыми людьми» – с другой, чем парные; это легко интерпретируемо как дар группы патрон-клиенты. Но и здесь представители высших социальных групп редки.

Что касается временной эволюции внутри паганского времени, то необходимо отметить рост числа родственников в групповых дарениях, что имеет социальный оттенок, поскольку, видимо, связано с каким-то повышением роли семьи в сакральной сфере. В целом основные групповые дарители – родственники из среды мирян —«простых людей» (из 51 случая, когда первый и второй дарители в групповом

дарении – «простые люди», родственники составляют 24 случая, это 47,5 %) и из среды чиновников. Наиболее популярный родственник-содаритель – жена, а не родственник в прямом смысле слова (родители, дети, братья и сестры); это говорит о ее высоком социальном и имущественном положении. На долю «простых людей» приходится (считая только первого и второго дарителей в группе) 51 даритель, а всего они выступают в качестве субъектов 137 раз. Таким образом, в 37,2 % случаев «простые люди» выступают именно в групповом дарении; а если взять все случаи участия (т. е. и третье и четвертое места в списке групповых дарителей), то их доля возрастет до 67 дарителей, или 48,9 %.

Рассмотрев по правлениям доли одиночных и групповых дарений в паганское время, видим характерный взлет групповых дарений (когда они единственный раз превысили по числу одиночные и составили 57,2%) в годы критического для империи XI правления, при борце с крупными дарениями духовенству, секуляризаторе Уккане I (1250 – 1255 гг.).

Наиболее интересным из отношений для нас является самая массовая из групп видов – «дарение земли». Его мы и рассмотрим в рамках схемы простой операции, т. е. изучим комплексно все субъекты, при одном конкретном отношении и одном конкретном предмете. Итак, отношение – г. в. «дарение», субъекты – все известные, кроме вторых и третьих участников коллективных дарений, предмет – все виды земельных имуществ, г. в. предметов – «земля». Сопоставление осуществлено на табл. 8, прил. 2. Оно уточняет выводы, сделанные на основании анализа субъектов, поскольку там учитывалась экономическая активность, т. е. все дарения и строительство, а не только земельные дарения. Но, поскольку земельные дарения превосходят остальные по числу, принципиальных изменений быть не могло и нет. Доля земельных дарений монархов максимальна в начале паганского времени, затем она падает на протяжении этого времени (периоды 1 – 3) и впоследствии все время остается на одном уровне, порядка 15 %. Особенно низка эта доля в конце паганского времени, при монархах-секуляризаторах. Это отразило, видимо, исчерпание земельного фонда паганских монархов, поскольку общее число дарений в позднепаганские времена менялось в сторону увеличения (см. табл. 8, прил. 2); но росло число небольших по размеру даров «простых людей», так что трудно говорить об увеличении размера передаваемых земель в целом. Зато примерно одинаковая доля

дарений монархов в послепаганские времена реализовывалась на фоне падающего числа дарений (см. табл. 8, прил. 2, «п земельных дарений на 1 год»), что отражает бесспорное постепенное уменьшение объема дарений со стороны монархов. Иначе говоря, если в паганские времена немонархи дарили все чаще, а монархи – все реже, что отразило изменяющееся отношение именно монархов к растущему монастырскому землевладению, то в последующие периоды отношение монархов к этому виду землевладения было таким же, как и у остальных светских феодальных владельцев, но само общее отношение к монастырскому землевладению было принципиально иным по сравнению с временами империи, а именно: дарили с каждым десятилетием все меньше. В итоге получается картина непрерывного падения числа дарений монархов при разных политических структурах и разной доле даров монархов. Родственники монарха отличаются (как землевладельцы!) от монарха, доля их дарений остается все время на одном уровне. Растут земельные дарения (и владения) крупных феодалов, служилых и неслужилых; в последние периоды особенно неслужилых «мин». Дарения земли средними феодалами, участвовавшие в конце паганского времени, были сравнительно часты в неустойчивом XIV в. и резко пошли на убыль в последние периоды. Схожую кривую имеет распределение доли дарений деревенской верхушки – «простых людей», но их общее число гораздо выше. По числу их земельные дарения стоят на первом месте в периоды расцвета и кризиса империи (2 и 3), на первом или втором – в последующие (4 – 6) и лишь позже уступают первое место крупным феодалам, усиление которых в целом очевидно.

Анализ языка надписей показал преобладание одних в экономических текстах, других – в неэкономических. Были прослежены социологический смысл двуязычных надписей и общая тенденция к падению языкового разнообразия по мере перехода от полиэтнической империи к моноэтническому бирманскому государству.

Сопоставление числа экономических документов в двух основных конкурирующих политических центрах Бирмы в XI – XV вв. – районе г. Пагана и области Чаусхэ во времени – показало высокую концентрацию экономической активности на сравнительно небольшой (по масштабам всего государства) территории. На фоне постепенного падения числа и размеров дарений выявлен переход их центра от Пагана к Чаусхэ, причем Чаусхэ играло меньшую роль в общей

сумме дарений времени своего преобладания, чем Паган. Важно и то, что в ранние периоды основная масса дарений концентрировалась в непосредственной близости от столицы, а в поздние – зона дарений вокруг Чаусхэ была шире. Все это еще раз противопоставляет имперский тип аграрной экономики в Юго-Восточной Азии (с его гипертрофией роли небольшого аграрного центра) и более рассредоточенный тип «аграрной активности», свойственный поздним моноэтническим государствам, сложившимся в эпоху, когда классовые отношения охватили большую часть крестьянского населения и большую долю сельскохозяйственных площадей страны, чем ранее.

Исследование состава субъектов во времени показало заметное его изменение. Видно падение роли монархов в формировании духовного землевладения (в отличие, например, от Явы). При этом основной конкурирующей группой дарителей были в Паганской империи «простые люди», нетитулованная деревенская верхушка, а в периоды после крушения империи – крупные феодальные землевладельцы, вышедшие к концу исследуемого времени на первое место среди дарителей в лице своего основного вида – «мин». Известно, что одновременно усилились и их политические позиции в XIV – XV вв.

Примечательны и закономерности меньшего масштаба. Основные дарители во времена Паганской империи в ее центре – районе г. Пагана – это монарх (вначале), его родственники – обширная прослойка крупных неслужилых феодальных землевладельцев (во все времена Паганской империи) и «простые люди» (в конце существования империи). А в Чаусхэ в конце исследуемого времени в основном дарили крупные феодалы, родственные связи которых не указывались, но известно, что родственниками монарха большинство из них не было. В то же время все сопоставляемые группы видов субъектов представлены и в начале и в конце исследуемого времени, а также и в Пагане и в Чаусхэ; надписи относятся к единому социальному целому, единому и во времени и в пространстве. Из двух сопоставляемых центров имперский Паган выглядит более архаичным, а поздняя область Чаусхэ – имеющей более развитые и шире распространившиеся феодальные отношения. Отсюда видно, что переход центра власти в средневековом бирманском государстве из района г. Пагана на северо-восток, в плодородную область Чаусхэ и ее окрестности, социально-экономически мотивирован и был прогрессивным явлением, а

не показателем продолжающегося упадка империи. Имела место преемственность в социально-экономическом развитии.

Сопоставление доли групповых дарений и, особенно, структуры групп при коллективном дарении также дало интересные результаты. Групповые дарения оказались по преимуществу связаны с низшими группами феодальных владельцев и деревенской верхушкой и с определенными историческими периодами. Факт совместного участия в дарениях позволил уточнить статус ряда социальных групп, роль семьи в религиозной жизни и др.

Особенный интерес представило сопоставление состава субъектов, совершавших дарение именно земли (а не дарение или строительство вообще, как в основной части статьи). Выявилась картина постепенного, шедшего при разных политических структурах, истощения земельного фонда, контролируемого монархом (объем этого фонда косвенно оценивается через объем дарений монарха духовенству). В то же время дарения «родственников монарха» «повели» себя иначе; видимо, статус «родственников монарха» как землевладельцев был слабо связан с владениями и правами монарха. Отчетливо прослежены отмеченные в хрониках эпохи секуляризаторской политики верхов и то, что упадок дарений монарха до известного времени компенсировался дарениями мелких феодальных владельцев и деревенской верхушки. И, наконец, явно росли владения крупных полусамостоятельных землевладельцев «мин».

Предложенный количественный анализ субъектного состава средневековых бирманских документов о дарениях духовенству позволил не только уточнить ряд уже существующих оценок общего развития бирманского общества, но и получить новые (применительно к малоизученной истории социально-экономического развития средневековой Бирмы) данные об аграрных отношениях в одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии, в частности увидеть некоторые важные отличия и в структуре господствующего класса, и в смене одних его групп другими на большом отрезке времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Число дарителей (колонки 14 – 15)

00 – один или неизвестно (менее одного быть не может)

20 – точно определенная группа дарителей больше одного (например. 22 – 2 дарителя. 23 – 3, и т.д.)

30 – точно не определенная группа дарителей больше одного (например, 31 – 1 даритель и другие, 32 – 2 дарителя и другие, и т. д.)

Дарители-монархи, г. в. 1 (колонки 16 – 17)

01 и далее – монархи в хронологической последовательности

90 — монархи с несохранившимися именами, но с датой

Дарители — родственники монарха, г. в. 2 (колонки 18 – 19)

22 Жена монарха; 37. Брат монарха;

23. Мать 38. Принц

24. Дочь 39. Наложница монарха

25. Сын 43. Мачеха

27 Сестра 45. Бабушка

28. Дядя 47. Дедушка

29. Принцесса 56. Наследник престола

36. Особа королевской крови 93 Монарх с женой

Дарители — крупные феодалы и сановники, г. в. 3 (колонки 18—19)

1. Правитель (губернатор) области или города

2. Главнокомандующий

7. Главный министр

10. Генерал

11. Высший сановник, советник монарха

13. Родственник министра

21. Министр

53. «Мин» – полусамостоятельный правитель, не суверенный монарх, но и не губернатор; сюда не входят «мин туджи» («мин деревни»).

54. Наставник монарха (не синоним 11, но может с ним группироваться).

Дарители – мелкие и средние феодалы, г. в. 4 (колонки 18—19)

9. Чиновник	34. «Туджи» – средний феодал-чиновник
15. Судья	51. «Юва-туджи» – провинциальный чиновник
16. «Слуга монарха»	52. Деревенский староста
17. Королевский лодочник	

Дарители – духовенство, г. в. 5 (колонки 18—19)

4. Монах	55. Мать монаха
40. Клер	

Дарители – «простые люди», г. в. 6 (колонки 18 – 19)

3. Богатый человек
5. Имя не указано или сбито только через дарение в надписи
6. Указано просто имя человека, мирянина, без детерминатива, или с таким, как «пандит», «такин»
8. Банкир, ростовщик
12. Строитель (монастыря, пагоды)
13. Даритель (того, о чем говорится в надписи), определенный только через дарение
14. Деревенский старейшина (видимо, соответствует 52)
18. Охотник
26. Простая женщина, с указанием имени
31. Деревня

Дарители — родственники дарителей (из г. в. 3, 4, 6), г. в. 7 (колонки 18—19)

20. Жена и ребенок без указания
30. Супруги без детерминативов
32. Жена
33. Дочь
35. Мать пола
41. Муж

									й									
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
1	70	21	13	61,9			1	4,8	1	4,8	5	23,8	1	4,8	6	28,6	2	9,5
2	98	73	62	85,0			9	12,3			2	2,7			2	2,7	–	
3	76	222	208	93,7	1	0,5	12	5,3	1	0,5					1	0,5		
4	47	87	83	95,4			4	4,6										
5	30	99	88	88,9			11	11,1										
6	36	114	104	91,2			10	8,8										
7	69	75	69	92,0			6	8,0										
8	33	21	18	85,7			3	14,3										
Σ	459	712	645	90,7	1	0,1	56	7,9	2	0,2	7	1,0	10,1		9	1,2	2	0,2

Таблица №3

География

№ периода		Н лег	п о. н. (все пункты)	п о. н. (только определенные пункты)	Н о. н. Пагана и округи*	п о. и. Чаусхэ округи*	(только неопределенные пункты)**
1	n %	70	21	18	14 77,8	4 22,2	3 14,3
2	n %	98	73	59	55 93,2	4 6,8	14 19,2
3	n %	76	222	182	175 96,2	7 3,8	40 18,0
4	n %	47	87	53	34 64,2	19 35,7	34 39,1
5	n %	30	99	68	11 16,2	57 83,8	31 31,4
6	n %	36	114	78	23 29,5	55 70,5	36 31,5
7	n %	69	75	49	19 38,8	30 61,2	26 34,7
8	n %	33	21	15	5 33,3	10 66,7	6 28,6
Σ		459	712	522	336	186	190

* % вычислялся от суммы определенных пунктов

** % вычислялся от суммы всех пунктов

Таблица № 4 *

Сравнительный анализ роли государственного района в Паганском государстве (периоды 1 – 3) и государстве Ава (периоды 6 – 8)

Паганское государство			Государство Ава		
№ правлений	% только Пагана от суммы определенных пунктов	% Пагана и его ближайшей округи от суммы определенных пунктов	№ правлений	% только Чаусхэ от суммы определенных пунктов	% Чаусхэ и его ближайшей округи от суммы определенных пунктов
I—II	100,0	100,0	I	30,9	100,0
III—IV	58,4	87,7	II—III	61,8	92,7
V—VI	85,8	100,0	IV-V	64,5	87,0
VII—VIII	89,7	98,9	VI—VII	64,3	90,0
IX—X	93,0	98,7			
XI—XII	94,0	97,5			

*Таблицу 5 см. на вклейке (оборот)

НЕТ ТАБЛИЦЫ 5

Таблица № 6

Доля массовых и немассовых видов в различных группах видов субъектов

Группа видов	Всего видов	Всего уп.	n уп. на 1 вид	Средний % на 1 вид	«Массовые»		«Средние»		«Редкие»	
					N	%	n	%	n	%
Монарх	2	93	46,5	5,6	1	50,0	1	50,0	—	—
Родственники монарха	16	123	7,7	0,9	1	6,3	3	19,9	12	74,8
Высшие сановники и крупные феодалы	8	124	15,5	1,9	1	12,5	3	37,5	4	50,0
Средние сановники и средние феодалы	5	61	12,2	1,5	1	20,0	1	20,0	3	60,0

Духовничество	2	26	13,0	1,6	1	50,0	—	—	1	50,0
«Простые люди»	7	277	39,5	4,8	1	14,3	2	28,5	4	57,2
Родственники дарителей	6	124	20,7	2,5	1	16,7	4	16,7	4	66,7

Таблица № 7

Число субъектов по периодам

№ период	n лет	N о.н	N* суб.	1 суб.	1** суб. Приблизительно	2 суб.	3 суб.	4 суб.	5 суб.	7 суб.	Σ групп суб.	Σ гр. Суб – n	N суб в 1 группе*** без «1 приб.»	
														%
1	n	70	21	21	18	1	1				20	19	1,05	
	%				94,7		5,3					100,0		
2	n	98	73	88	60	8	7	2			77	69	1,16	
	%				87,0		10,1	2,9				100,0		
3	n	76	222	340	144	16	55	14	7		236	220	1,47	
	%				65,5		25,0	6,4	3,2			100,0		
4	N	47	87	123	60	5	15	7		1	88	83	1,42	
	%				72,4		18,1	8,4		1,2		100,0		
5	n	30	99	130	63	15	20	4			102	87	1,32	
	%				72,4		23,0	4,6				100,0		
6	n	36	114	135	78	13	18	1			111	98	1,24	
	%				79,6		18,4	1,0				100,0		
7	n	69	74 I	101	48	8	18	3			77	69	1,35	
	%				69,6		26,1	4,4				100,0		
8	n	33	21	24	16	2	3				21	19	1,16	
	%				84,2		15,8					100,0		
Σ		459	712	962	487	68	137	31	7	1	1	732	664	1,35
					73,4		20,7	4,7	1,1	0,1	0,1		100,0	

* n суб. Табл. 7 больше n суб. Табл 5, так как и в табл % не учтены третьи и далее субъекты

** n суб. Больше или равно 1, не ясно

*** $n = n \text{ суб.} - n (1 \text{ изб.прибл.}) / \Sigma \text{ гр.суб.} - n (1 \text{ изб.прибл.})$

Таблица № 8

Субъекты (без вторых, как правило, и третьих участников коллективных дарений) – отношение («дарение») – предмет («земля»)

№ периода	п лет	п о. н.	п. «земли»	п «дарений земли» на 1 год	п «дарений земли» на 1 о. н.	Группы субъектов							Σ суб. (опред.)	
						1	2	3	4	5	6	7		
1	n %	70	21	11	0,16	0,52	7 70,0	1 10,0	–	–	1 10,0	1 10,0	–	10 100,0
2	n %	98	73	63	0,64	0,86	16 28,1	9 15,8	4 7,1	2 3,5	1 1,8	23 40,4	3 5,2	57 100,0
3	n %	76	222	183	2,40	0,74	7 4,2	32 18,9	12 7,1	13 7,7	8 4,7	75 44,4	38 20,6	169 100,0
4	n %	47	87	77	1,67	0,89	9 12,3	10 13,7	25 34,3	6 8,2	2 2,7	20 27,4	5 6,5	73 100,0
5	n %	30	99	85	2,83	0,86	15 19,5	15 19,5	14 18,2	6 7,8	–	27 35,1	7 8,3	77 100,0
6	n %	36	114	96	2,60	0,84	10 11,9	20 23,8	20 23,8	12 14,3	2 2,4	19 22,6	4 4,6	84 100,0
7	n %	69	75	65	0,94	0,87	9 15,0	6 10,0	26 43,4	4 6,7	1 1,7	14 23,4	9 13,0	60 100,0
8	n %	33	21	19	0,58	0,91	4 23,5	2 11,8	6 35,2	1 5,9	2 11,8	2 11,8	–	17 100,0
Σ		459	712	599	1,31	0,84	77	95	107	44	17	181	66	547

Опубликовано в сб-ке Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М. 1985. С. 217 – 239